

Арриго Катерино Давила (1576–1631) «История гражданских войн французских» (Historia delle guerre civili di Francia, 1630)

И вот уже с началом июля месяца в городе истощились все запасы пшеницы, а посему у горожан, коих и осталось-то не бог весть сколько, не имелось другого спасения, кроме как пробавляться овсом. Зерно то мололи на водяных мельницах, что стояли на реке в черте города, засим превращалось оно в хлеб, иной же раз приготавливалось в супе, который на французском наречии они без зазрения совести называют *варево*. Подавалось к этой стряпне и изысканное кушанье, коим считалось мясо лошади, собаки, осла и мула. И только тех лошадей, что в военных нуждах могли сгодиться, сохраняли и приберегали, другие же продавались на виду у всех и шли на пропитание семей самых знатных господ. Но даже и такая жизнь была сносной и желанной по сравнению с существованием, какое владели простолюдины. Беднягам этим, доходов от занятий своих не имевшим и до крайней нищеты доведенным, без денег и без хлеба, приходилось, подобно скотине, кормиться быльём, какое пробивалось во дворах, на улицах и на земляных валах. Да едва ли доставало той растительности в изобилии, и была она не больно питательна, потому как уже иссохла на жаре, а вернее сказать, превратилась в яд для человека. Встречались такие несчастные, что и рвало их, и другие струи они пускали, а сами, точно тщедушные чахоточные, внезапно падали замертво посреди улиц, – зрелище, столь скорбное и зловещее, что кто угодно, пусть даже самая жестокосердная и суровейшая душа, устранился бы при виде сего.

Однако ж правители и предводители народа, а с ними и папский легат, и посол Мендоса, и принцы крови, были так непоколебимы и тверды в вере своей, что никогда и никому в голову бы не пришла мысль сдаться. Того больше, свирепую расправу учинили над Ренаром, прокурором Шатле, а с ним наказали и нескольких приспешников, каковые, желая избежать страшной этой опасности, однажды на собрании совета посмели громко

крикнуть: «Хлеба или мира!». Да и народ сам, среди стольких бедствий и пред лицом неминуемой смерти, с наслаждением претерпевал и переносил страдания, истово уверовавши, что таков путь истинного и благородного мученичества во имя спасения души и во славу религии.

И все-таки не то, чтобы некоторые, самих себя жалевшие больше всего, или робкие духом, или, волею случая, не столь твердые в вере своей, не попытались бы поднять шум и замыслить заговор ради мирного соглашения или же того ради, чтоб позволить королю войти в город и чтоб народ его принял. Напротив, набравшись смелости, притом же, под страхом неотвратимой гибели и жестоко мучимые голодом, объединившись между собой, порешили они собраться однажды утром и пойти против возглавлявших правительство, которые заседали в совете во дворце правосудия. Но случилось так, что дело это тайно дошло до ушей дона Кристина из Ниццы, одного из первых проповедников, что подвизались в обороне, и тот предупредил принцев и легата. Те же вооружили все ополчение, устроили в городе дозор и приказали, чтоб герцог Немурский днем и ночью объезжал бы все предместья и улицы с оружием в руках, а кавалер Омальский постоянно нес бы караул во дворце. И все ж таки в назначенный час в большом количестве явились мятежники, и с криками «Хлеба или мира!» угрожали они изрубить весь совет, если не будет принято решение. Напротив них, по неразумению, оказался де Гоес, один из народных вожаков, и тогда кто-то из мятежников выстрелил в него из пистолета, что был припрятан под одеждой, и лишил жизни. Но тут уже кавалер Омальский приказал закрыть двери дворца, а засим прибыли герцог Немурский и посол Мендоса с вооруженным ополчением. Стрелявшего из аркебузы сбросили вниз из дворцовой лоджии, а других главарей этих смутьянов, не сумевших спастись, взяли в плен и казнили в тот же день. Народ же сам сдался, чем освободил город от опасности, но не предводителей от их забот. Прежде же всего о том, что голод – всему

причина и все больше ухудшает положение вещей, а надежды на помощь не предвидится.